

О Мише Вайнштейне и о других...

"Сизый, лети, голубок, в небо лети голубое..."

Е. Бачурин

Это было очень-давно, в середине прошлого века, во времена, когда не было мобильных телефонов, компьютеров и т. п.

Союз советских художников, лелея молодые таланты, пригласил нас в Дом творчества "Сенеж", оплатив проезд и обеспечив сказочные условия для работы: мастерские, все материалы – твори, лепи, режь гравюры. Я нашел киргизов (я родился в эвакуации, во Фрунзе), узбеков. Мы сидели за одним столом, разговоры были на одну тему: творчество, искусство. Строили планы на будущее, мечтали об успехе.

Приехала комиссия из Москвы: искусствоведы, критики, представители союзных республик Союза художников СССР. Мой новый знакомый журналист Гриша Анисимов представил меня: "Одессит, редкая птица". Я – с кисточкой в руках, перепачканный красками, в трусах (дело было летом). "Скажи, как тебя зовут". Женщины из комиссии, одетые с большим вкусом, с азиатскими украшениями, окружили меня. Я, сделав паузу, ответил: "Люсьен". Мой вид и имя произвели впечатление. "А фамилия?" – спросили все хором. "Дульфан", – ответил я. "Вы француз?" – спросили все разом. Я как настоящий одессит ответил вопросом на вопрос: "Вы Шарля де Голля знаете?" – "Конечно", – ответили. Опять пауза, картинно вытирая кисть, спрашиваю: "А Голду Меир вы знаете?" (дело происходило в 1968 году, после разрыва отношений с "сионистами-агрессорами"). Наступила неловкая пауза. "Так я их внебрачный сын". Раздался гомерический смех.

Нас, молодых художников, было человек сто из всех советских республик от Прибалтики до Дальнего Востока. Украинская группа художников состояла из Валентина Реунова, Зои Лерман по кличке Божья Матьерь из-за бесконечной доброты и готовности всегда прийти на помощь, ее талантливой половины Юрия Луцкевича (царство ему небесное), замечательного человека, умницы и потрясающего колориста.

Как мы познакомились. Была организована поездка в Загорск к святым мощам. Лето, август, жара. Небольшой автобус, с группой, включающей художников из ГДР, Болгарии и Венгрии, и нас человек двадцать. Мы запаслись ящиком водки (теплой) и коробкой шоколадных конфет. Выпили, сомлели, пели песни, пытались танцевать. Автобус остановился на

переезде. Ждем поезда довольно долго. Тишина, подмосковный дремучий лес. Все ословелые дремлют. Одинокая оса жужжит. И вдруг один сумасшедший (это был я) завопил: "Ахтунг, минэн, ахтунг, партизанэн!". Немцы вывалились кубарем из автобуса и стали от смеха кататься по траве.

Поехали. Подходит очаровательная девушка: "Меня зовут Зоя Лерман, я из Киева". Познакомились. Она спрашивает, чуть зардевшись: "Помните, на выставке в Киеве была представлена ваша картина "Цирк приехал?" Когда показывали вашу картину, мы, молодые художники, стояли за приемной комиссией. Картина нам очень понравилась, но комиссия ее отклонила, мотивируя тем, что на флагштоке рядом с цирком шапито развевался не украинский флаг". "Дело в том, что молдавский флаг красный с зеленым, гармонирующие цвета, а украинский (синий с красным) не канает", – перешел на жаргон я. "Так вот, мы упросили дать вашу работу нам и за неимением красок закрасили зеленую полоску губной помадой". – "Ну, цэ другэ дило!" – сказала комиссия и приняла работу на мою первую республиканскую выставку.

Эти нахлынувшие воспоминания о нас, о молодости, которая "Нэ вэрнэтця вона"...

Во главе группы украинских художников был Миша Вайнштейн, который уже тогда был легендой. Кареглазый, с копной иссиня-черных волос. Окончивший Киевский художественный институт с отличием, он как отличник и сирота получил квартиру в Киеве. Обаятельный человек, невероятный труженик, он писал картины, делал заказные работы, рисовал сотни, тысячи набросков.

Приехав в Дом творчества, каждый писал заказную работу. Миша начал писать огромный холст для себя, для друзей и для истории. Работа эта может украсить любой музей мира. Это говорит человек, проживший в США двадцать лет и повидавший сотни выставок, музеев, галерей. Я думаю, что Мишина работа "Двенадцать" – шедевр.

Название подразумевает двенадцать апостолов, двенадцать художников-семидесятников, оставивших след в мире искусства. Огромный холст разбит на двенадцать квадратов, в каждом – образ художника или его картина. Себя Миша изобразил со спины, в ракурсе, делающим наброски. Игорь Обросов – русский богатырь, скрестил руки на груди. Автор этих строк с сияющей лупеткой (именно лупеткой!), улыбающееся восторженное лицо, одет в ярко-красную рубашку гарибальдийца. Ласло Пушкаш, западноукраинский венгр, впоследствии уехавший в Венгрию. Эдуард Лимонов, в поэтическом трансе, изображен в ярко-желтых тонах, с тонки-

ми изящными очками, в руках книга, как летящая птица. В верхнем левом углу знаменитый азербайджанский экспрессионист Наримамбеков. Борис Кочешвили, замечательный график, москвич. Леня Пинчевский на фоне яркого молдавского ковра. Наш всеобщий любимец бард Евгений Бачурин с неизменной гитарой. Зулейка Бежбеук-Меликян, дочь гениального армянского художника Бежбеук-Меликяна, веселая и трогательная. Портрета Володи Стрельникова нет, а есть его пейзаж: домик, лодка – и всё, но как выразительно! Одна из самых интересных фигур этого апостольского иконостаса – мой закадычный друг Джамбул Джумабаев, царство ему небесное. Джамбул, маленький веселый азиат "с раскосыми и жадными глазами" – жадный к жизни и любви, он гостил у меня сорок лет назад. Потом я гостил у него, на своей "исторической родине" во Фрунзе. В квадрате – портрет Джамбула на фоне киргизского узора, под которым письмо с адресом города Фрунзе. Дело в том, что он каждый день получал по два больших письма от любящей жены Ло, кореянки с изумительным профилем японской принцессы. Он тоже писал ей по два письма в день!

Джамбул был самобытным глубоким философом, врожденным живописцем. В 1997 году была выставка киргизских художников в Лос-Анджелесе, и галерейщик подарил ему золотые часы.

Мы не просто дружили, мы любили и уважали друг друга, и поддерживали во всем.

Джамбул назвал свою дочь в честь моей жены Диной, а сына Эмилом с честь знаменитого австрийского кинопродюсера, который был сослан в Киргизию, Эмиля Оттопрингера. Да, иных уж нет, другие уж далече.

В следующий приезд Миша привез большую идею, или, как говорят в Америке, большой проект. Я помню три картины из этого цикла. Первая так и называется: "Первые". На ней изображена группа молодых комсомольцев, которые картинно расположились вокруг пулемета (какой-то хитрый пулемет, Миша нашел его фото в архивах). Люди разных национальностей фотографируются на память перед боем. Над ними красный флаг, флаг надежды... Эта работа была отправлена на Кубу, на выставку, может быть, в поддержку Фиделя в трудной задаче построения коммунизма. К сожалению, на обратном пути в трюме теплохода эта картина была сильно испорчена. Вторая картина из этого цикла называлась "ДнепрогЭС" – огромный серый холст, глухая стена плотины, полная безвыходность. Под ней группа людей, положив руки на плечи друг другу, ногами месят бетон. Серая масса, люди-машины.

Изумительная по живописи, серибристо-мерцающая тысячами градаций серого цвета.

Приехала комиссия, не приняли, не одобрили, раскритиковали. Миша страшно расстроился. Я посоветовал ему вверху, над бетонной стеной, показать полоску голубого неба. Миша сделал это. Комиссия пришла в восторг и приняла ее на ура.

Я, будучи необузданным хулиганом, все время подтрунивал над Мишей. Ко мне явилась группа киевлян с предупреждением не трогать живого классика, угрожали побить!

Не помогло. То я клал Мише под подушку кирпич, то насыпал в носок бетон, уверяя, что необходимо быть ближе к натуре, к жизни, к Днепрогэсу.

Помню замечательный вечер, приехал Евгений Бачурин с гитарой и Эдуард Лимонов.

Лимонов читал свои стихи. Бачурин пел свои песни, которые я помню до сих пор. Миша делал наброски. Мне не сиделось. Я донимал Мишу. Довольно долго он терпел. Наконец Миша не выдержал, вскочил красный как рак... и мимо меня прогудел паровоз с огромным кулаком. Я едва увернулся. Все были разочарованы, требовали повторить заезд поезда и размазать меня по стене. Я, почувствовав, что симпатии на стороне Миши, разорвал на себе единственную красную рубашку с криком: "Стреляй, белогвардейская морда!".

Мы с ним не просто дружили, я для него заменил брата, утонувшего еще в юности при попытке спасти тонущую девочку.

Заработав деньги, я уговорил Мишу поехать в Грузию. Купили два билета в Гагры. Это было счастливое время. Мы говорили взахлеб о Тарковском, Параджанове, мечтали о будущем. Приехали мы с ним аккурат в Судный день. Я объявил Мише, что в этот день я – еврей, и держу пост. Миша что-то бормотал о прелестях Бессарабки (рынок в Киеве), о ее колбасах и квашенной в бочках капусте. Я пресекал некошерные разговоры и следил, чтобы Миша не ел по дороге на море виноград, свисающий с кустов. Потом через пару дней я срезал палку, нашел леску, прицепил крючок и начал ловить рыбу.

Мы прихватили для кайфа сковородку и примус прямо на пляж: "Половое чувство на природе гуще", – как писал в стихах Э. Лимонов. Я заметил, что местные джигиты ловят рыбу и выбрасывают ее в море. Один генацвале подошел и предупредил, что эта рыба ядовитая. Он подошел к крану, открыл воду и продемонстрировал: сколько ни промывай эту рыбу, с нее продолжала течь слизь. Рыба была без чешуи. Я объяснил ему, что

мы такая нация, что нам до сраци радиация. Они нам отдавали весь улов. Мы ее тут же жарили и с огромным аппетитом ели, запивая белым вином. Выжили. Правда, почему-то в конце нашего путешествия вся кожа с моих подошв слезла. Кстати, в Древнем Египте перед бальзамированием у фараонов срезали кожу с подошв ног. Наверное, чтобы в вечность не перенести грехи земной жизни.

Вспоминаю подробности Мишиной жизни перед его болезнью почек и уходом в мир иной. Он получил повестку на беседу в КГБ. Не пошел по болезни. Лежит в мастерской, давление за 200. Стук в дверь. Приходит молодой капитан КГБ. Здоровается. Миша объясняет, что не может шевельнуться, а не то что идти куда-то. Капитан спрашивает (а время было вначале массовой эмиграции): "Понимаете, Моисей Моисеевич, люди из Толстовского фонда идут к вам, по линии ХИАС'а – тоже к вам. Чем объяснить ваше внимание и помощь предателям Родины?".

В это время – стук в дверь, входит старушка, полька. "Получите, Леокадия Казимировна, ваши деньги". И Миша дает ей довольно большую сумму денег. "Ой, спасибо, Мишенька, вы просто золотой человек". И уходит.

Миша объясняет капитану, что он купил у этой женщины акварели ее умершей дочери. Они ему не нужны, но нужно помочь!

"Да вы и вправду замечательный человек!" – говорит капитан.

Нью Йорк

